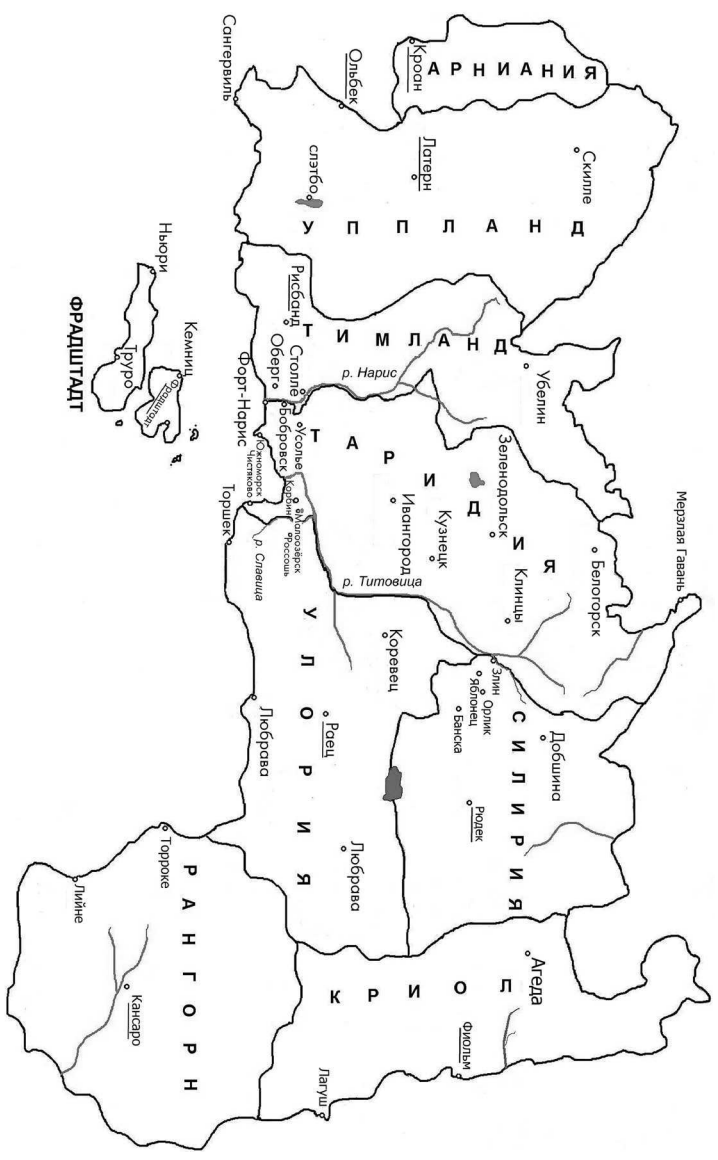

Автор выражает благодарность *своей семье* за всемерную поддержку, «*банной банде*» — за поддержание хорошего настроения, *Татьяне Мельниченко* — за неизменно восхитительную работу в качестве редактора, корректора и бета-тестера одновременно.

1

За мной пришли около четырех часов утра. На первый взгляд все было пристойно — всего лишь приглашение на беседу к главе Сысского приказа, но при этом все мои рецепторы буквально кричали, предупреждая об опасности. Строго говоря, можно было послать майора Чусового вместе с его начальником куда подальше — не тот у меня нынче статус, чтобы так со мной обходиться, но первым идти на обострение ситуации не хотелось. Пусть Никита Андреевич сделает этот ход, а уж я найду чем ответить. Поэтому я лишь многозначительно переглянулся с Игнатом и молча отправился вслед за красномундирником.

За пределами моих покоев число сопровождающих увеличилось до трех человек, но оружие у меня пока не требовали и никаких грубостей себе не позволяли. На лестнице обнаружили еще три красномундирника, прилежно старавшиеся слиться с тенью у стеночки. Ждут. Ждут того, кто побежит за помощью. Банально, примитивно, предсказуемо.

Ночь выдалась тяжелейшая. Подозреваю, что в историю она войдет под названием «Кровавая Пасха». После праздничной службы, во время крестного хода взорвалась заложенная на пути движения процессии пороховая мина, в результате чего погиб митрополит Филарет. Только вот сильно сомневаюсь, что

целью злоумышленников был патриарх таридийской церкви, возглавлявший крестный ход, или окружавший его цвет столичного духовенства. Скорее всего, взрывники просто не сумели точно рассчитать время взрыва, который должен был стереть с лица земли государя нашего Ивана Шестого и его наследника Федора. А может, и меня вместе с ними. В итоге обоим старшим представителям династии Соболевых прилично досталось — нет никаких гарантий, что они не отправятся вслед за митрополитом Филаретом в мир иной, — а вот мы с Натальей Павловной при выходе из храма немного поотстали в возникшей сутолоке. Да еще прямо в момент взрыва меня притормозил мой секретарь Сашка Иванников, принесший срочное донесение от руководителя контрразведки Ольховского.

Совокупность этих случайностей сохранила нам с супругой жизнь и здоровье, зато, по всей очевидности, вновь одарила вниманием Сысского приказа.

Вот ведь никогда я не любил все эти массовые сборища! И в этот раз сделал все, чтобы избежать участия в пасхальной службе, завершающейся крестным ходом, да куда там — государь будет, наследник престола будет, а князь Бодров хочет пропустить столь важное событие? Царь-батюшка только укоризненно покачал головой, услышав о подобном, а царевич Федор выразительно крутил пальцем у виска: ты, мол, в своем уме? И так отношения с церковью натянутые в последнее время, а ты такой повод недоброжелателям хочешь дать.

В общем, пришлось нам с Натали участвовать. А тут такое! Хорошо, что двухлетнего сына с собой не взяли, не хватало еще, чтобы он с нами в ту адскую сутолоку угодил!

Между прочим, мы с Григорянскими и так прилично рисковали, прорываясь сквозь обезумевшую толпу к царю и наследнику. И именно мы организовали их эвакуацию во дворец, а позже выставили оцепление и руководили спасательными работами до подхода профильных служб. И за все это теперь меня награждали вызовом к господину Глазкову! Где, спрашивается, справедливость?

Впрочем, еще теплится надежда на благоприятный исход дела, ситуация-то возникла нешуточная, и будущее страны теперь окутано покровом неизвестности.

Натали ушла поддержать царевну Софью, не так давно родившую третью дочку. Вот и хорошо, пусть пока не беспокоится за меня, может, все еще обойдется.

— Пожелал бы вам доброго утра, Никита Андреевич, будь оно хоть немного добрым, — заявил я с порога в кабинете главного разыскника Таридии. — О! Святой отец, вы тоже здесь? Не могу сказать, что рад вам, но ситуация такова, что может понадобится любая помощь.

Это уже было сказано протоинквизитору отцу Пафнутию, важно восседавшему за соседним столом с хозяином кабинета.

— И вам не хворать, Михаил Васильевич, — поспешил вставить слово Глазков, не позволяя представителю инквизиции с ходу ввязаться со мной в словесную перепалку.

Я подошел к стулу и, не дожидаясь приглашения, уселся, вальяжно вытянув натруженные за эту ночь ноги. Какого черта? Я не сделал ничего предосудительного и не собираюсь пресмыкаться перед ними!

Все же интересно — они меня позвали посоветоваться, или я уже в роли подозреваемого? Строго говоря,

никаких предпосылок к этому не было, но когда этих двоих останавливало отсутствие предпосылок?

— Что можете сказать по поводу этого ужасного происшествия? — хмуро поинтересовался Никита Андреевич.

— Пороховая мина взорвалась в подземной галерее, вырытой с территории усадьбы помещиков Петровых, уроженцев Усольской губернии. Хозяева решили сделать себе ледник и наняли для этого артель землекопов, предложивших неожиданно низкую цену. Сами Петровы уехали в родную деревню. Все это сейчас проверяется, но велика вероятность, что их уже нет в живых. Оставшаяся в доме прислуга в полнейшем неведении. Вот то, что удалось узнать по месту преступления. А с другой стороны, нашей контрразведкой отслежена шайка злоумышленников, имеющая связи с фрадштадтскими торговыми кругами. Полдюжины человек схвачены и дают показания. К сожалению, Ольховскому не хватило какого-то часа для предотвращения беды. Вот записка, полученная мною от него за минуту до взрыва.

Я выудил из кармана смятый листок с наспех нацарапанным предупреждением о заложенной бомбе по маршруту шествия крестного хода и протянул Никите Андреевичу. Нацепив на нос пенсне, тот ознакомился с содержанием, бросил на меня задумчивый взгляд из-под насупленных бровей.

— Значит, Фрадштадт? — тон заданного вопроса мне откровенно не понравился. Еще больше мне не понравилось, что записка Ольховского перекочевала в руки протоинквизитора.

— Кому еще это столь же выгодно и кто еще способен на такое? — ответил я на его вопрос сразу двумя вопросами.

— Смотри-ка, Никита Андреевич, как ловко получается! — воскликнул отец Пафнутий. — Сами все задумали, сами сделали, сами исполнителей схватили и показания нужные выбили! И записочку загодя приготовили, мол, чуток не успели! Ловко, князь, задумано, ох, ловко!

Протоинквизитор — это плохо. Это очень плохо. Потому как человек он очень злобный и мстительный. Пафнутий ополчился на меня еще в те времена, когда я делал в этом мире свои первые шаги, и с тех пор старательно использовал любую мелочь для обвинения меня в мракобесии, оскорблении чувств верующих и прочих страшных преступлениях. И плевать ему на отсутствие доказательств и логики в своих словах! Так что нельзя поддаваться на его наскоки, иначе просто затопчут. Несмотря на все мои заслуги и регалии.

— Вы, святой отец, не заговаривайтесь! — спокойно ответил я, обжигая представителя инквизиции морозным взглядом. — За такие слова можно и к ответу быть призванным.

— Хех! — цинично усмехнулся отец Пафнутий. — На дуэль меня вызовешь, бретер проклятый? Ловко ты себе дорожку к трону расчистить решил, да промахнулся чуток! Государь скоро придет в себя, а там, глядишь, и царевич с Божьей помощью оклемается! Не сносить тебе головы на этот раз, Бодров! Ох, не сносить!

— Да иди ты лесом, пугало огородное! — как же давно я мечтал сказать ему в глаза эту фразу, и вот подвернулся удобный случай. А что прикажете делать, если никакие разумные доводы не доходят до человека?

Я развернулся вместе со стулом лицом к протоинквизитору — чтобы смотреть ему прямо в лицо, а заод-

но — чтобы держать в поле зрения стоящих за моей спиной красномундирников.

— Как смеешь ты, червь!

— Одну минуту, святой отец! — в голосе Глазкова прозвучали стальные нотки. — Позвольте мне!

— Давайте, Никита Андреевич, не стесняйтесь! — любезно поддержал я хозяина кабинета, при этом совершенно не ожидая услышать ничего хорошего для себя.

— Скажите, князь, — не обратив внимания на мое паясничание, продолжил Глазков, — вы ведь не хотели вообще посещать торжественное богослужение?

— Пропустить пасхальную службу?! — отец Пафнутий аж подскочил на стуле от такого подарка судьбы. — Да как можно? Да это же прямое указание на ересь! Прислужник дьявола чувствует себя неуютно в храме Божьем!

— Да перестаньте нести чушь, святой отец! — досадливо поморщился я. — Нормально я себя чувствую в церкви, просто не люблю большие скопления народа. Уж извините, но мне этого на полях сражений хватило с лихвой!

— Но вы в итоге пришли, не так ли? — как ни в чем не бывало продолжил начальник сыска.

— Вы прекрасно знаете, что на этом настояли государь и царевич Федор.

— Согласно этикету, вы должны были находиться рядом с царевичем?

— О да! — неохотно подтвердил я, уже понимая, куда клонит оппонент. — Но при дворе полно блюдолизов, всегда старающихся протиснуться поближе к венценосным особам. Нам с супругой не хотелось толкаться с этими малопривлекательными людьми.

К тому же на выходе из храма образовался затор, вот мы и отстали.

— Звучит малоубедительно! — Никита Андреевич откинулся на спинку стула и, скрестив на груди руки, вперил в меня внимательный взгляд своих немигающих глаз.

— Правда всегда звучит малоубедительно, — спокойно парировал я, — но это она и есть. Если бы взрывники не ошиблись со временем взрыва, вряд ли бы эти несколько метров форы спасли нас.

— Тем не менее вы здесь, целы и невредимы. А в стране безвластие. Кому же это выгодно? Ужель одним фрадштадтцам?

— Кому же еще?

— А кто займет трон в случае смерти Ивана Федоровича и Федора Ивановича?

— Ой, Никита Андреевич! Опять старые песни о главном?

— Довольно уже паясничать, Миша! Все очень серьезно! Сегодняшняя трагедия выводит тебя прямоком на вершину власти!

— Если уж вы так спешите похоронить царя с наследником, — устало вздохнул я, — то смею напомнить, что официальной наследницей Федора Ивановича назначена его старшая дочь Александра. За ней следуют еще две сестры. Регентом при них, вполне естественно, будет их родной дядя царевич Алексей. Этот порядок престолонаследия был введен с моей подачи, и черт меня подери, если я позволю кому-то его нарушить!

— Очень пафосно звучит! Но, во-первых, у идеи возвести женщину на трон слишком много противников, а во-вторых, ни для кого ведь не секрет, какое вли-

яние вы имеете на Алексея Ивановича. Так что, кто бы ни сидел на троне, реальная власть будет у вас.

— Глазков! Иди к черту!

Я обессиленно откинулся на спинку стула. Как можно переспорить упертых фанатиков, оперируя логикой и пытаясь взывать к доводам рассудка? Очевидно, что никак. Пора прекращать это представление. Главное, чтобы сейчас в пыточную не потащили, а там разберемся.

— Ваша камера, Бодров, ожидает вас. Смею вас заверить, там все по-прежнему, ничего не изменилось. Так сказать, добро пожаловать домой!

То ли наивная попытка вывести меня из себя, то ли неуклюжая попытка пошутить. Тоже мне, психолог нашелся.

Я сам отстегнул ножны со шпагой, швырнул на стол и, заложив руки за спину, направился к боковой двери.

— Никита Андреевич, отдайте его мне! — прозвучал за спиной пышущий злобой голос протоинквизитора. — Я покажу ему перепись населения! Я все из него выжму, даже то, что он не знает!

— Чуть позже, отец Пафнутий, чуть позже!

2

Густые клубы сигарного дыма окутали лорда Генри Джеральда Хаксли. Обстановка кабинета виделась ему сквозь дымную пелену расплывчатой, нечеткой, полуреальной. «Весьма символично», — подумалось новому руководителю Тайной канцелярии его величества Георга Второго. Все как в ситуации со спровоцированными его подручными событиями в Таридии — вроде бы

и операцию довели до логического завершения, и резонанса добились сильнейшего, и в то же самое время основная цель не достигнута, а почти всех исполнителей схватила контрразведка противника и наверняка уже связала с Островами. Вроде бы и успех, но с сильнейшим привкусом провала. И совершенно непонятно, как представлять дело руководству.

Не так лорду Генри виделся финал этой операции, не о том ему мечталось в предвкушении первого громкого триумфа на таридийском направлении. Такой удобный случай, такая великолепная возможность решить целый ворох проблем одним ударом!

— Кэрриган, есть вероятность того, что хоть кто-то из Соболевых испустит дух?

Сидящий напротив агент Кэрриган беспокойно поерзал на своем стуле. Видно было, что он чувствует себя не в своей тарелке, слишком напряжен и не уверен в одобрении своих действий новым шефом. Это нравилось Хаксли, считавшему, что подчиненных нужно держать в строгости.

— Царевич Федор тяжело ранен, в его выздоровлении доктора не уверены, — чуть растягивая слова от волнения, ответил агент, — царь Иван, к сожалению, точно выживет.

— А Бодров цел и невредим? — задумчиво произнес лорд, некстати вспоминая сгинувшего в прошлую военную кампанию Олстона. Тот с маниакальным упорством охотился именно за этим князем из ближайшего окружения наследника престола и, несмотря на все ухищрения и возможности агента тайной службы его величества, потерпел крах.

— Князь Бодров арестован Сыскным приказом, как я понимаю, его заподозрили в попытке дворцового пе-